

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

АНДРЕЙ
ЛАЗАРЧУК

Жестяной бор

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л17

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Лазарчук, Андрей Геннадьевич.

Л17 Жестяной бор / Андрей Лазарчук. — Москва : Эксмо, 2026. — 192 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-240090-2

Искаженные сны о прошлом или видения будущего — это мир «Опоздавших к лету». История человеческих судеб на фоне грандиозных проектов и масштабных поражений, трагедия технического и общественного прогресса. Круги на воде, расходящиеся все дальше и дальше в пространстве и времени.

Удивительный симбиоз природы и современных технологий.

Андрей Геннадьевич Лазарчук — классик российской фантастики, автор более 25 романов и десятков других произведений, лауреат премий «Аэлита», «Странник», «Роскон», «Интерпресскон», «АБС-премия» и других.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-240090-2

© Лазарчук А.Н., текст, 2025
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

*Отсутствующие редко бывают правы,
зато всегда остаются в живых.*

СТАНИСЛАВ ЕЖИ ЛЕЦ

ЖЕСТЯНОЙ БОР

Они вышли — Юсуф по-кошачьи скользнул за дверь, оглядываясь по сторонам, за ним тяжелым, но упругим шагом двинулся Присяжни, в дверях обернулся и подмигнул Андрису; дверь закрылась, замок щелкнул, загудел лифт... Андريس, хромая — действие стиндола кончалось, боль просыпалась понемногу и начинала ворочаться, — обошел комнату, поставил на место стулья, постоял у окна, открыл окно — сильный запах пыли и сама пыль между рамами, несколькодохлых сухих мух, маленький прошлогодний листочек непонятного дерева, — сходил в ванную, нашел тряпку, намочил ее, вернулся, вытер пыль, открыл наружную раму — с треском, с осыпающейся старой краской, — и в комнату потек горячий, пахнувший бетоном воздух этого исполинского двора-квартала-колодца, ворвались звуки: детские крики, велосипедные звонки, лай, скрип качелей, разговоры, музыка, что-то еще — звуковой Вавилон, и все это с током нагретого воздуха взлетает сюда, к шестнадцатому этажу, и распространяется здесь... не брюзжи, оборвал он себя, брюзжать некогда, некогда... но очень хочется. Чувство, что все ни к черту, что не получается, что нача-

лось скверно и сквернее кончится, — это чувство не оставляло его с самого первого дня, если первым считать тот, когда Хаппа позвонил ему домой и сказал, что хотел бы поговорить с глазу на глаз; сменив погоны на генеральские, Хаппа сменил и место жительства, из городской квартиры перебравшись в пригородный охраняемый поселок, — Андрис испытал острый приступ злости, когда на своем выдавшем виды «фиате» стоял перед шлагбаумом и ждал, пока гладкие, как коты, охранники сверяются со списками приглашенных. Жена у Хенрика тоже была новая, кажется, уже четвертая по счету, молодая и красивая еврейка, это было в духе Хенрика — раздавать пощечины общественным вкусам; Андрис как-то раз видел ее издали и мельком, под ручку с гордо выступающим Хенриком; вблизи она была еще симпатичнее. Она посидела с ними несколько минут, потом прикатила столик с бокалами и бутылками и тихонечко исчезла. Помянули доктора, потом заговорили о деле. Дело было странным. Несколько дней назад Присяжни — он теперь начальник полиции в Платиборе — прислал доклад, прислал именно Хаппе, через голову своего непосредственного начальства и вообще против всех правил и обычаев, впрочем, это неважно — доклад, в котором собрал удивительные вещи. Без видимых причин за последние три месяца в Платиборе цены на наркотики упали в десять раз. Оптовые торговцы разорялись, некоторые сбежали, двое погибли: Гробокопатель то ли сам повесился, то ли помогли ему, а Цыганочку Берковец увезли в лес и убили, как убивают обычно несостоятельных должников: привязали к дереву и распороли живот. Мелкота, торговавшая в розницу, вела себя дико: средь бела дня приставала ко всем подряд, умоляя купить

за бросовую цену вообще все: от травки до «стрипа»; ими, а также приезжими, желавшими затовариться на дармовщину, Присяжни набил всю тюрьму и стал делиться с соседями. Перестали покупать, в один голос говорили все арестованные. Присяжни проверил это и с другой стороны. Самые заядлые, самые конченные торчки завязали или почти завязали. По инерции они продолжали кучковаться, но кучки быстро и небескровно распадались. Отвратило — так отвечали, если приставали с расспросами. Отвратило — и все тут. Присяжни был в некоторой растерянности. Весь его опыт и вся его знаменитая интуиция подсказывали, что дыма без огня не бывает и что надо искать какой-то вытесняющий фактор. Но его собственные поиски не привели ни к чему. Просить помощи по линии КБН, комитета по борьбе с наркотиками, он не хотел: во-первых, Заген, главный «кабан», не внушал доверия, во-вторых, случай был явно не их: не распространение, а самопроизвольное искоренение наркотиков в регионе. Очень показательно отреагировал департамент полиции: в ответ на рапорт Присяжни получил благодарность за выдающиеся успехи в борьбе с наркомафией. Тогда он и обратился к своему старому другу Хенрику Е. Хаппе, и Хенрик Е. с ходу заинтересовался этим делом, потому что чего-то подобного ожидал... Андрис, скрипя зубами, доковылял до кровати и лег. Стиндол можно принимать только раз в шесть часов. Надо было... впрочем, ладно. Час с четвертью мы продержимся.

Раньше так не болело, еще два месяца назад можно было считать себя человеком — если не переходить определенных границ. Потом — вдруг — началось... Днями было еще терпимо: глотай стиндол и продолжай заниматься своими делами, — а по ночам

к боли прибавлялась сосущая смертная тоска, всю ночь он как будто умирал и никак не мог умереть, снотворные не брали, он засыпал только под утро и просыпался через два часа, весь мокрый, с тяжелой похмельной головой, измученный, как грешник в круге девятом... болел не только сустав, боль уходила вверх до лопаток, вниз — до самых кончиков пальцев; и больнее всего было вставать, головка бедра превращалась в ржавого ежа с иглами длиной в метр... Сейчас он лежал и смотрел в потолок, и за белой завесой потолка проступали какие-то картины, а иногда просто возникал рисунок щелей и трещин в потолке его палаты в госпитале, когда он на время приходил в себя после перевязки и в оцепенении смотрел, как сплетаются и расходятся на потолке линии судеб разных людей, знакомых и незнакомых ему, и искал свою линию между ними, и не всегда находил... Хирург его, худой, с неподвижным лицом индейского вождя латиноамериканец, равнодушно и бережно копался каждый день в его внутренностях, мыл их, заливал какими-то жидкими мазями, растворами антибиотиков, чем-то еще; потом края разреза на животе сближали, Андриса обертывали простыней и простыню сшивали — до следующего дня; и так три месяца. Всего одна пуля... боже ты мой, сколько мучений... всего одна... От неподвижности немело тело, надо было бы повернуться — в бедре тут же начинало искрить. Наконец, час прошел, и можно, можно проглотить «осу» — полосатую черно-желтую капсулу стиндола. Еще десять минут ожидания — боль втянулась куда-то, спряталась, съежилась, притворилась, что ее нет и не было никогда...

Боль ушла, и вернулось чувство, что ошибка уже допущена, и осталось только понять, где же имен-

но... или это просто дурное предчувствие? Впрочем, генерал и Присяжни как раз понимают толк в дурных предчувствиях. А что касается доктора — то доктор был в этой области гениален...

Однако занозу можно и поискать... Андрис сгреб со стола сплющенные жестянки из-под пива — Присяжни имел привычку, выпив пиво, превращать баночку в аккуратную круглую лепешку, причем это ведь вам не немецкие или там японские баночки из алюминиевой фольги, а наши отечественные, из хорошей белой жести — сплющивал их одним движением пальцев, только воздух пукал из-под ладони; вообще Присяжни, хоть и производил впечатление толстого увальня, был невероятно силен и быстр, и один раз Андрис сам видел, как он схватил за днище и перевернул «тойоту» — так взяли Рикса, а при нем — двести килограммов кокаина... Шел уже седьмой час, вот-вот должен был появиться напарник, проводник, часть легенды: «племянник-которому-грозит-исключение» — Тони Ольвик; интересно, это его настоящая фамилия? Ольвиков, конечно, много, особенно на севере, и интересоваться такими делами просто не положено, но все-таки: как подбирали — по фамилии или по деловым качествам? Ладно, проверим. В конце концов, все, что мне от него нужно, — это чтобы он был, чтобы мое присутствие было оправданно... лечение, конечно, тоже хорошая крыша, но — отнюдь не повод совать нос в молодежные проблемы... да, кстати, о лечении — Андрис дотянулся до телефона и набрал номер.

— Алло? — женский голос.

— Добрый вечер. Пожалуйста, если можно, доктора Хаммунсена.

— Перезвоните через полчаса, пожалуйста, доктор сейчас занят. Если нужно что-нибудь передать...

— Доктор назначил мне прием на сегодня на восемь часов вечера, и я хотел узнать...

— Ваше имя, пожалуйста.

— Андрис Б. Ольвик.

— Да, на сегодня, на восемь вечера. Доктор ждет вас. Приезжайте.

— Спасибо.

«Хорошо у него поставлено, — подумал Андрис. — Месяц назад случайно встретились, доктор на сигаретной коробке что-то черкнул — и теперь ждет. Ох, везде бы так... Интересно, что у него произошло с Радулеску? Надо было спросить Присяжни — не догадался, а Присяжни вполне мог знать кой-какие подробности. Где-то задерживается напарник, уже половина седьмого. Вызвать такси? А какой же у меня здесь адрес? Адреса не знаю, вот те на. Присяжни карту оставлял, может быть, там отмечено...» На карте ничего отмечено не было. Окна выходили во двор, так что ориентиров никаких. Ситуация. Если к семи этот Тони не появится, надо будет на свой страх и риск выходить из дому и добираться до «Паласа» самостоятельно. «Где он? Ага, вот, не то чтобы в центре, но неподалеку. А где бы мог быть я — хотя бы примерно?» Он стал вспоминать, как ехали с вокзала. Похоже, где-то тут. Город был как срез старого дерева: средневековый, почти не сохранившийся центр в излучине, широкое кольцо довоенной застройки, квадраты застройки послевоенной, огромный уродливый нарост последних десяти лет — Университетский городок... Андрис поймал себя на слове «уродливый» и удивился: почему? «Стареешь, каналья, — сказал он себе. — Надо же, уродливый...»

В самом городе было триста восемьдесят тысяч жителей, в Университетском городке одних студентов насчитывалось сто десять тысяч, и еще около ста тысяч преподавателей, научных работников, обслуживающего персонала и прочих, прочих... в том числе десятки торговцев наркотиками, неожиданно для себя прогоревших...

А вот, обнимая Университетский городок и вклиниваясь немного между ним и остальным городом, лежит тот самый знаменитый Серебряный бор, Платибор, давший название городу... Андрис почувствовал вдруг, что где-то в глубине, там, откуда приходят предчувствия и догадки, что-то шевельнулось: с Платибором была связана какая-то странная некриминальная история, которую не афишировали. Так, сделал он отметочку в памяти: уточнить, что именно произошло... да, что-то с организацией зоны отдыха... и кто-то сказал, что бор отныне не Серебряный, а золотой...

Было без пяти семь, когда пришел напарник. Отпер дверь и вошел.

Напарник был что надо: среднего роста, нормального сложения с ничем не примечательной мордой, умеренно загорелый — короче, человек толпы. Одет: брюки хаки — милитарный стиль уже перестал бросаться в глаза, — серая футболка и велосипедная кепочка. На шее белая цепочка. Особых примет нет.

— Добрый вечер, — сказал напарник.

— Добрый вечер.

— Если вы ждете Карпентера, то его не будет сегодня.

— Тогда, с вашего позволения, я переночую.

Напарник усмехнулся и выудил из кошелька половинку двадцатидинаровой банкноты. Андрис достал

половинку, приложил к той. Линия разрыва сошлась, а сумма цифр номера составила 47.

— Ну, здравствуй, племянник, — сказал Андрис и протянул руку.

— Здравствуйте, дядюшка, — улыбнулся племянник. Рука его оказалась сухой и жесткой. — Чем будем заниматься?

— Сегодня в программе единственный пункт: посещение доктора Хаммунсена в «Паласе».

— И во сколько мы там должны быть?

— В восемь.

Племянник прикинул что-то в уме, кивнул:

— Хорошо. Сейчас схожу за машиной.

— Может, проще такси?

— Нет, — племянник помотал головой и усмехнулся чему-то. — Сложнее.

— И... э-э... Тони. Ты здесь давно?

— С первого курса. Третий год.

— Ольвик — твоя настоящая фамилия?

— Да, а что?

— Ничего. Так. Все нормально.

— Тогда я за машиной. Через двадцать минут спускайтесь вниз, я подъеду.

Жил доктор где-то в другом месте, в «Паласе» у него был оборудован кабинет. Постояльцы отеля имели какие-то льготы при лечении, а доктор платил за аренду помещения фантастические деньги: один динар в год. Кабинет располагался на первом этаже, в специально выгороженном холле. Над дверью была надпись: «Кабинет магнитного массажа».

— Вы молодец, Ольвик, — сказал доктор, рассматривая томограммы, которые Андрис сделал накануне в полицейском госпитале. — Все, кого я видел раньше с такими изменениями в суставе, не могли

встать и гадили под себя... но и вы, как я понимаю, ходите на одном самолюбии... Ладно, давайте я вас еще руками посмотрю.

Андрис разделся и лег, подрагивая от холода, на кушетку. Доктор повернулся к нему и, издав громкий сосущий звук, двумя руками поглубже надвинул очки.

— Бо-ог ты мой! — сказал он, разглядывая живот Андриса — этот бело-сине-багровый панцирь из пересекающихся рубцов. — Никогда не видел ничего похожего... Где вы такой достали? Кавтаратан?

— Немного раньше и ближе, — сказал Андрис. — «Белая лига», слышали?

— Слышали, слышали... — пробормотал доктор. — Ага... ага... это значит, вот сюда, потом через вертлужную впадину и в брюшную полость, так? А из какого ж, позвольте узнать, оружия?

— «Браунинг-Лонг», — сказал Андрис. — И подрезанная пуля.

— Ну, это вполне rispetабельно, — сказал доктор. — Ладно, идемте вон туда.

Голого Андриса уложили на жесткий стол, укрыли простыней, доктор приставил к его бедру матово-серый цилиндр, похожий на кобальтовую пушку, отошел к пульту и включил это устройство. Загудел трансформатор, а потом... Андрису показалось, что по больному месту ударили кувалдой, посыпались искры, он чуть не заорал, но не заорал: боль тут же съежилась, собралась там, в своем обычном месте, не растекаясь по телу. От цилиндра шли тупые, ватные, теплые удары, легко проходившие сквозь плоть... не удары даже, а волны, мягкие и ласковые, приподнимали его и опускали, меняли ритм, что-то напевая... Андрис не заметил, как исчезла боль. Казалось, он

задремал и видит все это во сне. Только во сне могло быть такое блаженство. Подошел доктор, убрал цилиндр. Невесомый, Андрис спустил ноги со стола, встал — боли не было. Оделся. Боли не было. Доктор впереди него вышел в свой кабинет. Андрис быстро присел и встал. Боли не было. С ума можно сойти...

С ума сойти... Андрис не помнил, как прощался с доктором и как благодарил его, как и о чем договаривался на завтрашний день, и, только уходя, оглянулся: не забыл ли чего. Именно чувство потери чего-то неприятного, но привычного, притертого родило вдруг неуверенность и не то чтобы страх, но оторопь. Он машинально, не воспринимая действительности, как бы ощупью нашел машину Тони — ободранный и мятый «фольксваген», — сел, захлопнул дверцу, откинулся на спинку и вдруг в непонятном ступоре уставился перед собой. Тони о чем-то спрашивал — он слышал, но понять не мог. Чудеса. Чудеса... «Да, такое облегчение действует, как хорошая дубина», — смог, наконец, подумать он.

Тони еще раз пристально посмотрел на него и тронул машину.

— Извини, племянник, — сказал Андрис. — Ты о чем-то спрашивал...

— Ничего, — сказал Тони. — Я уже все понял.

— Мы домой?

— Да.

— Скажи мне наш адрес... — сказал Андрис и вдруг зевнул, едва не вывихнув челюсть. — Слушай, мне никто... никто снотворного не мог...

В такт покачиваниям машины пейзаж за окном сливался в сине-серые пятна, и только поверху, над головой, шла неровная белая полоса. Потом и этого не стало.

Итак, господа, мы приступаем! Обратите внимание на этот странной формы сосуд из непрочного и подверженного неожиданным разбрызгиваниям материала, в который мы с вами сейчас начнем потихоньку сливать все, до чего дотянутся наши руки; говорят, в этот сосуд уже что-то наливали, и именно поэтому от него исходит шипение, как от мокрого чайника, поставленного на горячую конфорку. Там происходят забавные, но, к сожалению, невидимые нам с вами реакции, и, только доливая и досыпая туда какие-то новые компоненты, мы можем рассчитывать, что из этого сосуда, скажем, полезет так называемая «фараонова змея» — а может быть, вырастут прекрасные благоухающие розы — а может быть, сосуд разлетится вдребезги, как не раз бывало уже с такого рода сосудами в сходных обстоятельствах... Они, эти сосуды, чрезвычайно своенравны, и особенно почему-то не любят, когда кто-то хочет повлиять на их работу. То есть это очень легко сделать, но тогда к желаемому результату вы получите что-то еще, потому что закон сохранения вещества пока еще никому не удалось нарушить — в отличие от множества других законов... причем совершенно неясно, будете ли вы радоваться той придаче, которая получится, либо же она сама быстро и жадно порадует вас...

Включилось радио, искатель прошелся по диапазонам, останавливаясь на пару секунд на каждой работающей станции, потом ему понравился симфоджаз, там он и остался. Потом раздались шлепки босых ног по линолеуму, приблизились, остановились, и молодой голос произнес:

— Дя-дюш-ка!

И с этим голосом вернулось ноющее ощущение уже сделанной и потому непоправимой ошибки.

Впрочем, что значит — непоправимой? Непоправимой может быть ошибка, ведущая к немедленной насильственной смерти игрока, — все остальное поправимо...

Вы уверены?

Пока — да.

Пока — что?

Пока меня не убедят в обратном.

Ну хорошо...

— Да, — сказал Андрис, и голос его был липкий. — Да, конечно.

Наконец, он смог открыть глаза. Было светло, и на светлом фоне был темный провал двери, и в этом провале, небрежно опираясь на край его, стоял голый по пояс парень, напоминая своим видом о том, что время не ждет, лицо знакомое... Тони, вспомнил Андрис и вспомнил, наконец, все.

— Доброе утро, племянник, — сказал Андрис.

— Как интересно, — сказал племянник. — А мне мерещилось, что уже давно день.

— М-да? — Андрис поднес к глазам часы. Было без четверти два. — И правда, интересно. Мне еще не приходилось вот так начинать дело.

— Я тоже не думал, что увижу что-то подобное, — сказал племянник.

— Ты всегда такой ехидный? — спросил Андрис.

— Нет, только когда голодный.

— Ясно... — пробормотал Андрис, выдирая себя из кровати. Боли не было. — Ясно... следствию все ясно...

«Следствию, — подумал он. — Чего захотел. Вряд ли по этому делу может быть следствие... так, конфиденциальное расследование для узкого круга лиц... частный детектив, вот ты кто на данный момент, хотя

и прикрывает тебя крокодил самого крупного калибра... “крокодайл-магнум”... А вот если я действительно что-то сотворю — прикроет или нет?.. интересно бы попробовать...» Он знал, что пробовать не будет.

— Ну, дядюшка? — за завтраком (бутерброды и чай) спросил его Тони. — Займемся ли делом?

— Ты меня хоть посвяти, — сказал Андрис. — А то я ведь решительно не знаю, чего ты тут успел без меня напроказить...

Тони было двадцать два года, до двадцати он служил в полиции города Эвихауэн — чтобы не идти в армию, — а потом поступил на юридический. В первых числах сентября Присяжни вызвал Тони к себе и сказал, что, возможно, понадобится его участие в сложном расследовании. С подачи Присяжни Тони снял эту квартирку, якобы дядюшка дал денег — вот вы, дядюшка, и дали, спасибо! — а потом на него завели дело как на второстепенного участника одной большой валютной махинации. Деканат, разумеется, тут же затеял отчисление, придумывая всякую чушь вроде неуспеваемости, непосещаемости и чуть ли не аморального поведения, все это шито белыми нитками и потому, конечно, тянется вяло. Короче, дядюшке следует немедленно идти к декану и уламывать его, а не уломав, идти к ректору...

— Та-ак, — угрожающе сказал Андрис. — Ты, значит, развлекаешься тут с пестряшкой, а дядюшка должен тебя от дерьма отмывать?

— Конечно, — согласился Тони. — А разве дядюшки существуют для других целей? Я и не знал. Кстати, здесь не говорят «пестряшка». Здесь говорят «кан».